

Научная статья
УДК 343.13

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ИСТОЧНИКОВ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Прохорова Екатерина Александровна

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

prokhorovae2@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности развития системы источников российского уголовного-процессуального права, происходившего преимущественно эволюционным путем: длительный период развития в рамках общего процесса развития формы права; самобытность и особый народный дух источников уголовного-процессуального права на всех этапах эволюции; последовательное смещение приоритета с санкционирования на установление уголовно-процессуальных норм государством; цикличность процессов увеличения количества источников уголовного-процессуального права и последующей их систематизации. Отмечается, что уяснение данных особенностей способствует правильному пониманию современных процессов, происходящих в сфере уголовного-процессуального регулирования, и определению возможных перспектив совершенствования уголовного-процессуального законодательства.

Ключевые слова: источники уголовного-процессуального права, форма права, развитие, эволюция, особенности, закономерности, тенденции.

Для цитирования: Прохорова Е. А. О некоторых особенностях развития системы источников российского уголовного-процессуального права // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). Р. 294–299.

ON SOME FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF SOURCES OF RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURAL LAW

Ekaterina Al. Prokhorova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russia

prokhorovae2@inbox.ru

Annotation. This article examines the development of the system of sources of Russian criminal procedural law, which has evolved primarily through evolution: a long period of development within the general process of legal development; the uniqueness and distinctive national spirit of the sources of criminal procedural law at all stages of evolution; a consistent shift in priority from sanctioning to the establishment of criminal procedural norms by the state; and the cyclical nature of the processes of increasing the number of sources of criminal procedural law and their subsequent systematization. It is noted that understanding these characteristics facilitates a proper understanding of contemporary processes occurring in the sphere of criminal procedural regulation and the identification of possible prospects for improving criminal procedural legislation.

Keywords: sources of criminal procedural law, form of law, development, evolution, features, patterns, trends.

For citation: Prokhorova E. A. On some features of the development of the system of sources of Russian criminal procedural law // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 294–299.

Современное состояние системы источников российского уголовно-процессуального права является результатом ее развития, происходившего преимущественно эволюционным путем, для которого характерны постепенный, довольно длительный по времени процесс изменений самих источников и системообразующих связей между ними, а также преемственность как особая связь между источниками, действующими на различных исторических этапах. Эволюция – это не просто последовательная смена источников уголовно-процессуального права, а их модернизация, в результате которой на новую «ступень» переносились их лучшие свойства, в виду чего они продолжали реализовывать свое предназначение на качественно новом уровне. И в этом смысле устаревшие источники уголовно-процессуального права оказывали влияние на новые, осуществляя, таким образом, косвенное регулирующее воздействие на общественные отношения. В то же время, они продолжали осуществлять и прямое регулирование, но в ограниченном объеме. Например, несмотря на постепенную замену обычаев нормативными правовыми актами, «основа народного обычая не теряется в положительных законах, а проводится в них во всей своей силе» [1, с. 249]. В частности, именно на обычаях базировалось, в основном, содержание Русской Правды. В то же время, обычай продолжал применяться и в дальнейшем, фактически до конца XIX века [2, с. 109-110; 3, с. 39], намного «пережив» Русскую Правду и последующие источники.

После революции 1917 года естественный ход эволюции был нарушен по причине того, что молодое советское государство, оказавшись в правовом вакууме из-за отрицания законов Российской империи, пошло по пути правового регулирования посредством многочисленных декретов. Однако принятие в 1922 году Уголовно-процессуального кодекса РСФСР можно оценить как первый шаг к реализации намерения вернуться на эволюционный путь.

Учитывая изложенное, выявление особенностей, закономерностей и тенденций исторического развития системы источников отечественного уголовно-процессуального права чрезвычайно важно для правильного понимания современных процессов, происходящих в сфере уголовно-процессуального регулирования, и определения возможных перспектив совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Полагаем, что серьезное внимание должно быть уделено следующим положениям, раскрывающим особенности эволюции рассматриваемого аспекта формы уголовно-процессуального права.

Во-первых, до определенного момента развитие системы источников уголовно-процессуального права осуществлялось в рамках общего процесса развития формы права, поскольку соответствующие акты объединяли нормы, относящиеся в современном понимании к разным отраслям права. При этом нередко не только особенности изложения и выражения определенных положений, но и их содержание не позволяли отграничить, например, право уголовное от уголовно-процессуального. Так, в соответствии с предписанием Русской Правды - «если убьет муж мужа, то мстить брату за брата, или отцу, или сыну, или двоюродному брату, или сыну брата» - кровная месть выступала и наказанием, и правилом процедурного характера.

В главе X Соборного уложения 1649 года отдельные нормы можно считать уголовно-процессуальными: ст. 7 по сути регламентировала такое следственное действие, как очная ставка - «челобитчика, и на кого он сказывал про посулы, ставити с очей на очи, и расспрашивати», ст. 160 – допрос и т.д.. Одновременно в ней были изложены нор-

мы, которые в равной степени могут быть отнесены ко всем процессуальным отраслям права: ст. 11 регулировала порядок составления протокола судебного заседания и ознакомления с протоколом истца и ответчика, ст. ст. 119 и 120 определяли порядок вызова в суд посредством зазывных грамот, ст. 121 допускала примирение сторон «до совершения судебных дел» и др.. И даже, несмотря на наименование анализируемой главы – «О суде», предполагающее регламентацию вопросов судостроительства и судопроизводства, в ней имелись и нормы материальных отраслей (уголовного, гражданского и др.), причем, среди норм, которые устанавливали ответственность за преступления, выделялись как связанные с осуществлением правосудия (неправосудные решения - ст. 5, заведомо ложное обвинение судьи в получении взятки - ст. 9, неуважение к суду, посягательство на здоровье и жизнь судьи - ст. 106), так и не связанные с осуществлением правосудия.

Как и в предшествующих источниках, встречались случаи, когда нормы уголовного материального и процессуального права были изложены в одной статье, а содержание этих норм настолько тесно «переплеталось», что их «механическое» разделение без ущерба для смысла или без дублирования материала было невозможно. Например, ст. 12, устанавливавшая ответственность за подлог протокола судебного заседания («а который Дьяк нороя кому по посулом, или по дружбе, или кому мстя не дружбу, велит судное дело подъячому написати не так, как в суде было, и как в прежней записке за истцовою и за ответчиковою рукою написано, и по тому Дьячому приказу подъячий то судное дело напишет не делом...»), одновременно регулировала требования к доказыванию факта совершения данного преступления как обязательного условия привлечения к ответственности («сыщется про то допряма»), а также определяла процессуальные последствия данного преступления, следовавшие после привлечения дьяка и подъячего к ответственности («а дело велети написати, как истец и ответчик в суде говорили, и вершити то дело по суду, до чего доведется»).

Изменения в осознании специфики предмета и метода уголовно-процессуального регулирования привели к обособлению уголовно-процессуального законодательства (Свод законов Российской империи 1832 года, том XV, книга II «О судопроизводстве по преступлениям»), после чего система источников уголовно-процессуального права развивалась по своим законам, хотя и не без влияния общих тенденций развития формы права.

Во-вторых, источники отечественного уголовно-процессуального права всегда характеризовались самобытностью и особым народным духом. Начиная с правовых обычаев, которые «выросли» из народных обычаев догосударственного периода и оказали серьезное влияние на более поздние источники, устои и традиции русского народа долгое время оставались «эталонem» уголовно-процессуальной деятельности. И даже с появлением первых письменных источников права зарубежного происхождения (греческие Номоканоны, Эклога и Прохирон) [4, с. 40], обычаи не утратили своего преобладающего значения, а в последующем легли в основу Русской Правды, которая в виду этого обладала «чисто русским характером, выработанным русской жизнью» и, хотя включала «несколько статей нерусского происхождения ..., но они переделаны на русский лад» [1, с. 219]. И в дальнейшем обычаи, постепенно сдавая свои позиции в качестве формально-юридического источника уголовного-процессуального права, не утратили своего значения в качестве материального источника права и «проводника» русского народного духа, что особенно ярко проявилось при создании Судебника Царя и Великого Князя Иоанна Васильевича 1550 года.

Иоанн Васильевич, «приступая к составлению нового Судебника, ... благословился у митрополита и всего освященного собора «судебник исправить по старине». Все содержание Судебника представляется Ивану Грозному стародавним обычаем, а вовсе не актом его личного усмотрения» [4, с. 23-24].

Не ослабел народный дух и с принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 года, несмотря на то, что он разрабатывался и принимался в эпоху активизации процессов кодификации в Европе и испытывал естественное влияние более прогрессивных в этом направлении актов. Тем не менее, как отмечал И.Я. Фойницкий, «прямого заимствования в судебных уставах очень мало, почти совсем незаметно... почти ни один процессуальный институт уставов не может быть признан ни английским, ни французским; на каждом из них легла печать самобытности, каждый из них имеет самостоятельную русскую физиономию, приуроченную к русским нуждам, непонятную без изучения русских условий» [3, с. 43].

В-третьих, отчетливой тенденцией развития источников отечественного уголовно-процессуального права является последовательное смещение приоритета с санкционирования на установление уголовно-процессуальных норм государством.

Санкционирование как способ закрепления уголовно-процессуальных норм, состоящий в одобрении государством правовых норм, созданных без его участия, лежит в основе древнейших источников уголовно-процессуального права - правовых обычаев, а также первых письменных источников - правовых актов зарубежного происхождения.

Появление в качестве способа закрепления уголовно-процессуальных норм установления государством, предполагающего непосредственное их создание органами государства, и дальнейшее упрочение позиций данного способа обусловлены усилением государственной власти и ростом публичных начал в уголовном судопроизводстве.

Первым источником уголовно-процессуального права, который можно считать способом установления уголовно-процессуальных норм государством, является Русская Правда, хотя, в виду неопределенности правовой природы этого памятника русского права, возможны сомнения в правильности подобного утверждения.

С одной стороны, учитывая, что «в древнейшей части «Русской Правды» ... закреплены пережитки ... родовых обычаев» [5, с. 76], то есть князья «не были сочинителями, авторами правил, а только собирателями и редакторами юридических убеждений» [6, с. 67], этот документ санкционировал, то есть одобрил эти самые обычаи.

С другой стороны, в Русской Правде обычаи предстают в несвойственной им до этого письменной форме, с некоторыми ограничениями, установленными княжеской властью. Учитывая к тому же расширение перечня княжеских законов в следующих редакциях Русской Правды [5, с. 76] и определенную самостоятельность этих редакций, представляющих собой по сути «отдельные законодательные памятники разных времен, приспособленные к разным степеням развития русского общества» [1, с. 241], полагаем, что Русская Правда обладала важнейшими признаками нормативных правовых актов, в связи с чем совершенно обоснованно может быть отнесена к способам установления уголовно-процессуальных норм государством.

Объем «нормативного регулирования, исходящего непосредственно от органов государственной власти» [7, с. 13], по современным меркам долгое время был незначительным, а более или менее ощутимое преобладание среди способов закрепления уголовно-процессуальных норм установления их государством произошло в период действия Судебников 1479 и 1550 годов. И, наконец, почти полную победу таких способов можно связать с эпохой Устава уголовного судопроизводства 1864 года, когда обычай применялся «только в мелких делах крестьянских и, в несколько большем объеме, у недостигших достаточной культуры инородцев Закавказья и других местностей» [3, с. 39].

В-четвертых, в развитии формы уголовно-процессуального права отчетливо наблюдается закономерность, состоящая в цикличности процессов увеличения количества источников уголовно-процессуального права и последующей их систематизации.

Данная закономерность обусловлена двумя противоположными, но взаимосвязанными тенденциями – к детализации уголовно-процессуального регулирования, приводящей к увеличению количества разобщенных правовых предписаний, и к правовой

определенности как «возможности без особого труда и невероятных затрат времени находить все подлежащие применению в данном случае правовые нормы» [8, с. 21], предполагающей объединение и обобщение этих предписаний.

В процессе такого диалектического «спиралевидного» развития постоянно происходит возврат к похожим качествам системы источников уголовно-процессуального права, но каждый раз на новом, более высоком уровне. Так, Русская Правда, систематизировав множественные разрозненные обычаи, предопределила последующий рост числа письменных источников права и обусловленную этим процессом очередную систематизацию нормативного материала в Судебнике 1479 г. и т. д. И Русская Правда, и Судебники 1479 и 1550 гг., и Соборное уложение 1649 г., и Свод законов Российской империи 1832 г., и Устав уголовного судопроизводства 1864 г. представляют собой примеры систематизации источников уголовно-процессуального права, однако каждый из названных актов обладает совершенно новыми качествами по сравнению с предшественниками, в связи с чем занимает более высокую ступень в эволюции внешней формы права. При этом, начиная с принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. систематизация осуществляется в виде кодификации¹, затрагивающей не только форму, но и содержание соответствующих актов, а упомянутые акты более раннего периода являют собой образцы систематизации иного вида - инкорпорации и консолидации.

Обозначенные особенности исторического развития рассматриваемого аспекта внешней формы уголовно-процессуального права должны быть учтены представителями науки уголовного процесса. Сторонники идеи множественности источников уголовно-процессуального права должны, в первую очередь, ответить на вопрос: действительно ли их позиция отражает объективную реальность современного уголовно-процессуального права и можно ли считать предлагаемые ими преобразования итогом закономерного развития его формы? Авторам, настаивающим на признании судебного прецедента, следует задуматься над тем, насколько подобные изменения будут отвечать национальным традициям нашего народа.

Исследователи, утверждающие о существовании не только официально признаваемых, но и фактически действующих источников уголовно-процессуального права, должны исходить из обязательной связи с государством всех без исключения способов закрепления уголовно-процессуальных норм.

Ученые, рассуждающие о перспективах признания правового обычая и правовой доктрины в качестве источников уголовно-процессуального права, должны учитывать общие тенденции развития формы отечественного права, но при этом понимать, что в этом вопросе нельзя «равняться» на другие отрасли, метод правового регулирования которых отличается от метода уголовно-процессуального регулирования.

По нашему же мнению, естественным завершением очередного цикла накопления количественных изменений источников уголовно-процессуального права должна стать очередная систематизация нормативного материала, но не просто обновление УПК РФ, а принятие качественно нового, сильного уголовно-процессуального закона, по праву играющего ведущую роль в уголовно-процессуальном регулировании.

1. Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства М.: Типо-лит. С. А. Петровского и Н. П. Панина, 1879. С. 728.
2. Тальберг Д. Г. Русское уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. Том 1. Киев, 1889. 318 с.

---

¹ Понятие «кодификация» здесь используется в узком значении, характерном для отечественной правовой науки. В случае широкого подхода к данному понятию, предложенного, например, в книге французского ученого Реми Кабриака «Кодификации» [4], оно охватывает все перечисленные нами акты систематизации.

3. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Том 1. С-Петербург: Типография т-ва «Общественная Польза», 1912. 567 с.
4. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. Четвертое издание. СПб : Типография М.М. Стасюлевича, 1910. 667 с.
5. Чельцов М. А. Уголовный процесс: учебник для юридических институтов и юридических факультетов университетов. М. : Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. 624 с.
6. Петров К. В. К вопросу о правовой природе Русской Правды // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1(43). С. 67-78.
7. Минникес И. В. Источники российского права: исторический экскурс // Академический юридический журнал. 2007. № 4(30). С. 10-13.
8. Кабрияк Р. Кодификации / Пер. с фр. Л.В. Головки. М. : Статут, 2007. С. 476 с.

- 1 Beljaev I. D Lekcii po istorii russkogo zakonodatel'stva M.: Tipo-lit. S. A. Petrovskogo i N.P. Panina, 1879. S. 728.
- 2 Tal'berg D. G. Russkoe ugovnoe sudoproizvodstvo: posobie k lekcijam. Tom 1. Kiev, 1889. 318 s.
- 3 Fojnickij I. Ja. Kurs ugovnogo sudoproizvodstva. Tom 1. S-Peterburg: Tipografija t-va «Obshhestvennaja Pol'za», 1912. 567 s.
- 4 Sergeevich V. I. Lekcii i issledovanija po drevnej istorii russkogo prava. Chetvertoe izdanie. S.-Peterburg: Tipografija M.M. Stasjulevicha, 1910. 667 s.
- 5 Chel'cov M. A. Ugolovnyj process: uchebnik dlja juridicheskikh institutov i juridicheskikh fakul'tetov universitetov. M.: Juridicheskoe izdatel'stvo Ministerstva justicii SSSR, 1948. 624 s.
- 6 Petrov K. V. K voprosu o pravovoj prirode Russkoj Pravdy // Leningradskij juridicheskij zhurnal. 2016. №1(43). S. 67-78.
- 7 Minnikes I. V. Istochniki rossijskogo prava: istoricheskij jekskurs // Akademicheskij juridicheskij zhurnal. 2007. № 4(30). S. 10-13.
- 8 Kabrijak R. Kodifikacii / Per. s fr. L.V. Golovko. M.: Statut, 2007. S. 476 s.

Информация об авторе

Екатерина Александровна Прохорова. Докторант, кандидат юридических наук, доцент.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.
117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Information about the author

Ekaterina A. Prokhorova. Doctoral. Candidate of legal sciences, associate professor.
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.
117997, Russia, Moscow, Academician Volgina Str., 12.

Статья поступила в редакцию 04.08.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 25.09.2025.

The article was received in the editorial office on 28.03.2025; approved after review on 20.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.